

КАК СПРАВИТЬСЯ С «ГОЛЛАНДСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ» ВОПРЕКИ «РЕСУРСНОМУ ПРОКЛЯТИЮ»

Аннотация В данной работе обсуждаются две взаимосвязанные концепции: «голландская болезнь» и «ресурсное проклятие», – а также еще одна концепция, популистская монетарная политика, связанная с вышеупомянутым «проклятием». «Голландская болезнь» выражается в долгосрочном завышении курса национальной валюты, обусловленном экспортом сырьевых товаров с получением рикардианской ренты. «Ресурсное проклятие» – это обобщенная рентоориентированная деятельность государства, осуществляющего экспорт сырьевых товаров. Популистская монетарная политика представляет собой политическую практику, выражающуюся в завышении курса национальной валюты с целью обеспечить переизбрание политического деятеля. В данной работе показано: вышеуказанное «проклятие» и популизм мешают стране справиться с «голландской болезнью», что препятствует инвестиционной деятельности и росту. При этом в работе утверждается: борьба с «ресурсным проклятием» и популистской монетарной политикой была бы усилена, если бы политические деятели осознали, что существует относительно простая политика, позволяющая эффективно справиться с «голландской болезнью». Эта политика была в общих чертах обозначена почти десятилетие назад (Брессер-Перейра 2009), однако до сих пор едва ли известна экономистам.

Ключевые слова: «Голландская болезнь», «ресурсное проклятие», популистская монетарная политика, рост

В данной работе обсуждаются две взаимосвязанные концепции: «голландская болезнь» и «ресурсное проклятие». Первая является экономической, вторая – политической и институциональной проблемой. В работе мы сосредоточим внимание на первой концепции. «Голландская болезнь» является серьезным препятствием для индустриализации и роста. Впервые она была формализовано описана в работах Кордена и Нири (1982, 1984), однако предложенная ими модель оказалась недостаточной для включения долгосрочного завышения обменного курса в ядро экономики развития. Она включала в себя экономику с тремя секторами: сектором, связанным с внешней торговлей сырьевыми товарами; сектором, связанным с внешней торговлей несырьевыми товарами; и сектором, не связанным с внешней торговлей. Из этой модели невозможно вывести политику, направленную на преодоление основного неблагоприятного конкурентного условия, с которым парадоксальным образом сталкиваются страны, богатые природными ресурсами. Вместо этого экономисты увлечены политической проблемой – рентиориентированностью, сопряженной с «ресурсным проклятием». В 2009 г. в работе Брессер-Перейра была выдвинута вторая модель «голландской болезни». Вместо концентрации на неравенстве между указанными тремя секторами, в ней внимание было непосредственно уделено вытекающему отсюда долгосрочному завышению обменного курса, из чего была выведена простая (но сложная в реализации с политической точки зрения) политика преодоления данной проблемы. В последующие годы данная модель была усовершенствована и, в конце концов, легла в основу макроэкономического развития, основная роль в котором отводится обменному курсу и отрицательному сальдо текущего платежного баланса.

Десять лет назад феномены «голландской болезни» и «ресурсного проклятия» рассматривались в двух книгах: «Как избежать ресурсного проклятия» под авторством Макартана Хамфриса, Джеффри Д. Сакса и Джозефа Стиглица, в ред. (2007) и «Природные ресурсы: не проклятие и не судьба» под авторством Дэниела Ледермана и Уильяма Малони, в ред.

(2007). В последней была высказана радикальная точка зрения по данному вопросу. Во введении двое редакторов четко обозначили, что «ресурсного проклятия» или «так называемой голландской болезни» не существует. По их мнению, «ряд убедительных показателей свидетельствует о том, что эффект, оказываемый экспортом природных ресурсов, как представляется, имеет скорее *положительное*, нежели чем отрицательное воздействие на последующий экономический рост. Называя вещи своими именами, *ресурсного проклятия не существует*» (Ледерман и Малони 2007: 3).¹ Напротив, в первой из указанных книг признается, что «ресурсное проклятие» или «голландская болезнь» представляет собой серьезную проблему, но редакторы, в конечном счете, делают упор на политико-институциональную проблему, возможно, потому, что экономические решения, предлагаемые тремя уважаемыми экономистами, их не удовлетворяют. В этой главе Сакс (2007: 191) предлагает ряд мер экономической политики, направленных на преодоление данной проблемы. Его основная рекомендация заключается в том, чтобы «инвестировать выручку, получаемую от продажи нефти, в способы повышения производительности и, тем самым, повышать, а не сокращать производство товаров, не связанных с торговлей нефтью». Он также рассматривает возможность привязки национальной валюты к доллару, но отмечает, что такая привязка требует значительных резервов в иностранной валюте. Он подходит к решению проблемы, когда рассматривает возможность субсидировать производство промышленных товаров, которые вносят значительный вклад в повышение технологического уровня экономики, однако он не исследует эту возможность, поскольку субсидии не служат реальным инструментом решения долгосрочной структурной проблемы, коей является «голландская болезнь».

В данной работе я обобщу теорию определения обменного курса, структурную модель «голландской болезни» и политику, направленную на ее преодоление, которую я называю новой моделью развития (НМР).² Я

сошлюсь на книгу под авторством Хамфриса, Сакса и Стиглица. В предисловии к ней Джордж Сорос (2007: XI) отмечает, что данное «проклятие», или «болезнь», включает в себя три проблемы: повышение курса валюты («болезнь»), значительное колебание цен на сырьевые товары и влияние на политическую обстановку («проклятие»). Он утверждает: «Первые два фактора, являющиеся чисто экономическими феноменами, стали предметом многочисленных исследований. Третий же фактор нуждается в лучшем понимании». Я не убежден в его правоте. Нам не следует недооценивать третий фактор, но открытая макроэкономика применительно к обменному курсу и отрицательному сальдо текущего платежного баланса дает сбой. С другой стороны, рентоориентированность – не говоря уже об откровенной коррупции, свойственной многим странам-экспортерам сырьевых товаров, – в высшей степени разрушительна для роста. И я согласен с уважаемым политологом Терри Линн Карл, перу которой также принадлежит одна из глав в этой книге; недавно она мне сказала, что коррупция, связанная с рентоориентированностью, является основным препятствием на пути к реализации политики, направленной на преодоление «голландской болезни». Но я глубоко убежден: если у нас будет более совершенная модель для объяснения этой «болезни», то нам удастся не только лучше понять ее ужасные последствия, но и сформулировать способы ее преодоления в виде экономически очевидных мер, что откроет новые перспективы для реализации политики роста.

Определение обменного курса

Начну с простого определения двух проблем. «Ресурсное проклятие» по своей сути является политико-институциональной проблемой; это обобщенная рентоориентированная деятельность страны, экспортирующей сырьевые товары с получением рикардианской ренты; это превращение государства в потребителя или сырьевой придаток, в котором правительство, экономические и политические элиты ориентированы не на производство, а

на получение ренты, которую государство извлекает посредством обложения экспортируемых сырьевых товаров налогами. В отличие от «ресурсного проклятия», «голландская болезнь» – это экономическая проблема; она заключается в *долгосрочном* завышении курса национальной валюты, обусловленном экспортом сырьевых товаров, которые имеются в наличии благодаря обильным и дешевым природным ресурсам, а также являются источником рикардианской ренты; по этой причине данные товары могут экспортироваться по существенно более высокому обменному курсу, чем это требуется для поддержания конкурентоспособности компаний-производителей несырьевых товаров, предназначенных для реализации на внешних рынках, несмотря на применение передовых по мировым стандартам технологий. Это неблагоприятное конкурентное условие препятствует индустриализации или – в случае прежде индустриально развитых стран – приводит к преждевременной деиндустриализации. Как и в случае «ресурсного проклятия», «голландская болезнь» – экономическая проблема. Она связана с тем, что сырьевые товары пользуются преимуществом за счет рикардианской ренты и/или товарно-сырьевого бумпа, что позволяет компаниям-производителям и экспортерам извлекать прибыль благодаря завышенному обменному курсу валюты. А это, в свою очередь, делает неконкурентоспособными производителей промышленных товаров, которые *потенциально* могли бы производиться в конкретной стране.

Данное определение «голландской болезни» через призму НМР отличается от уже упоминавшейся модели, которую предложили Корден и Нири. В последнем случае внимание было сосредоточено на трех секторах экономики, при этом завышение курса национальной валюты связывалось с ростом международных цен на экспортируемые сырьевые товары, что вызывало повышение цен на внутреннем рынке в секторе, не связанном с внешней торговлей, и падение цен на внутреннем рынке в секторе, связанном с несырьевыми товарами, предназначенными для реализации на внешних рынках. Например, как отмечает Сакс (2007: 183), «рост относительных цен

на товары, не предназначенные для реализации на внешних рынках, по отношению к ценам на товары, предназначенные для реализации на внешних рынках (или, соответственно, падение относительных цен на товары, предназначенные для реализации на внешних рынках), определяется как повышение реального обменного курса». Это справедливо, однако в рамках данной модели «болезнь» имеет место лишь в случае товарно-сырьевого бума; к тому же из данной модели трудно сделать вывод о политике, которая позволила бы справиться с этой проблемой.

НМР акцентирует внимание на обменном курсе и включает в себя соответствующую общую теорию. Экономическая литература, посвященная обменному курсу, предполагает, что он определяется спросом и предложением на иностранную валюту, и к этому добавляется модель паритета покупательной способности. Согласно НМР, обменный курс колеблется в соответствии со спросом и предложением на иностранную валюту около *равновесной стоимости*, называемой «текущим равновесным значением». Его можно определить как обменный курс, который покрывает расходы плюс разумную норму рентабельности компаний, участвующих со стороны международного рынка, и обеспечивает интертемпоральную устойчивость текущего платежного баланса страны. Эта равновесная стоимость изменяется по мере изменения сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции и, во-вторых, по мере изменения условий внешней торговли, осуществляемой страной, по отношению к корзине иностранных валют.

Если имеет место «голландская болезнь», существует вторая равновесная стоимость – «промышленное равновесное значение», которое определяется как обменный курс, делающий конкурентными компании, специализирующиеся на несырьевых товарах и применяющие передовые по мировым стандартам технологии. Экономика предполагает, что промышленное равновесное значение должно соответствовать текущему равновесному значению (а это устраняло бы необходимость промышленного

равновесного значения), когда фирмы используют самые передовые из имеющихся в мире технологии и управленческие практики. Компании, специализирующиеся на товарах, предназначенных для реализации на внешних рынках, с необходимостью были бы конкурентоспособны. Но когда страна сталкивается с «голландской болезнью», следует рассматривать два равновесных значения. «Голландская болезнь» – разница между двумя этими равновесными значениями, а степень ее серьезности определяется соотношением между этой разницей и промышленным равновесным значением.

В рамках данной модели величина обменного курса определяется исторической тенденцией – тенденцией циклического и систематического (долгосрочного) завышения обменного курса. Валютные кризисы знаменуют окончание и начало каждого цикла. Когда страна испытывает финансовый кризис, национальная валюта резко обесценивается и становится более недооцененной, чем промышленное равновесное значение. Как только кризис ослабевает, валюта вновь начинает дорожать, пересекая промышленное равновесное значение и равновесную стоимость, начинает оказывать влияние на отрицательное сальдо текущего платежного баланса и, в конце концов, достигает минимального уровня, на котором сохраняется в течение нескольких лет. В условиях завышенного курса валюты растет внешний долг, либо при опасном увеличении отрицательного сальдо текущего платежного баланса до уровня, при котором международные кредиторы резко теряют доверие, прекращается рефинансирование внешнего долга и происходит новый валютный кризис.

Два фактора обуславливают такое удорожание: «голландская болезнь» и три привычные политические меры, к которым обращается большинство развивающихся стран. «Голландская болезнь» опускает обменный курс до текущего равновесного значения, поскольку в стране-экспортере сырьевых товаров обменный курс в основном определяется международными ценами на сырьевые товары. Три привычные и взаимосвязанные политические меры,

которые способствуют дальнейшему удорожанию национальной валюты и приводят страну к отрицательному сальдо текущего платежного баланса, включают в себя следующее: политика роста с отрицательным сальдо текущего платежного баланса и внешней задолженностью; использование обменного курса в качестве якоря в противовес инфляции; установление центральным банком высокого уровня, около которого он осуществляет свою денежно-кредитную политику, с целью привлечения капитала или для контроля инфляции.

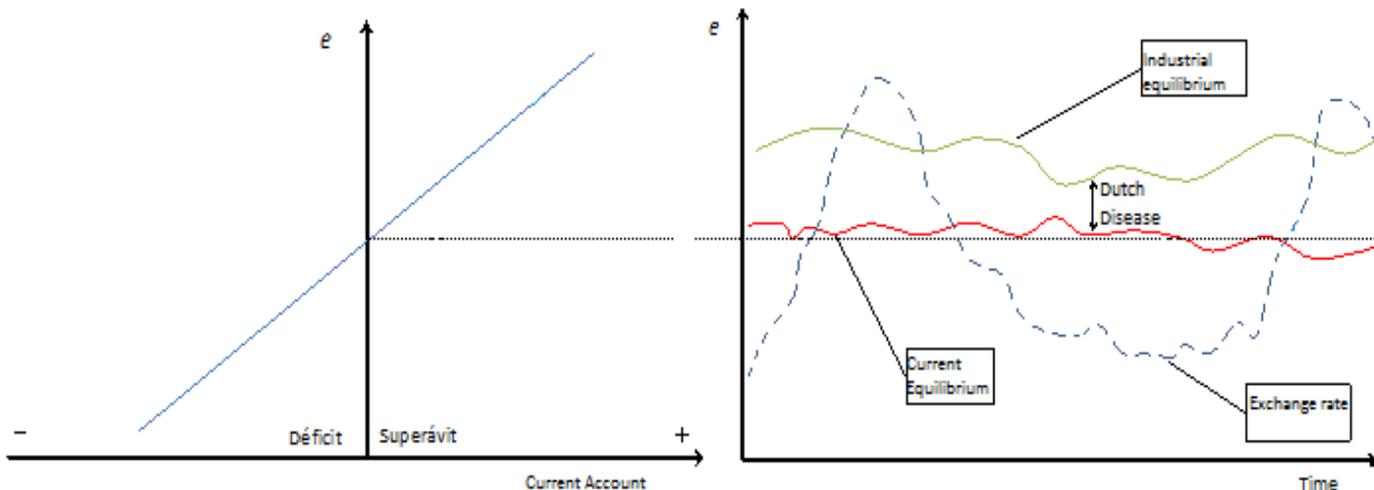
Помимо стоимости валюты и промышленного равновесного значения, а также обуславливающих их переменных (колебание сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции), а также помимо трех привычных политических мер, оказывающих влияние на спрос и предложение на иностранную валюту, существуют и другие переменные, определяющие обменный курс. Главным образом, они включают в себя колебание торговой конъюнктуры, крупное увеличение или сокращение потоков капитала, введение мер по контролю за капиталом, денежно-кредитную политику центрального банка, а также резервы для осуществления покупок или продаж. Однако к главным и системным переменным, определяющим обменный курс, относятся текущая равновесная стоимость, обуславливающие ее переменные («голландская болезнь» и колебание сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции), а также три привычные политические меры, влияющие на спрос и предложение на иностранную валюту. Все эти факторы предопределяют колебание обменного курса около равновесной стоимости.³

Определение обменного курса затрудняется при его тесном соотношении с текущим платежным балансом. При условии, что все прочие переменные остаются неизменными, чем больше отрицательное сальдо текущего платежного баланса, тем дороже национальная валюта. Обменный курс, уравнивающий текущий платежный баланс, гораздо более конкурентоспособен, чем обменный курс, уравнивающий 3%

отрицательного сальдо текущего платежного баланса в ВВП. В данном случае причинно-следственная связь может быть двунаправленной. Факторы, способствующие удорожанию или удешевлению валюты, будут влиять на текущий платежный баланс, однако имеет место обратное, когда правительство берет на вооружение политику «роста со сбережениями иностранной валюты».

Рисунок 1: Текущий платежный баланс и обменный курс

Рисунок 2: Определение обменного курса

Два приведенных рисунка резюмируют новую модель развития, используемую для определения обменного курса. На рисунке 1 показана только линейная связь между текущим платежным балансом и обменным курсом. Рисунок 2 – базовый рисунок, иллюстрирующий циклический характер изменения величины обменного курса, а также поведение текущего и промышленного равновесных значений. У нас имеется две равновесных стоимости и обменный курс. Промышленное равновесное значение и текущее равновесное значение варьируются во времени; промышленное равновесное значение – главным образом, вследствие изменений сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции; текущее равновесное значение – главным образом, по причине колебаний

торговой конъюнктуры. Обменный курс подчиняется тенденции циклического и систематического завышения курса.

На примере недавнего опыта Бразилии длительность последнего цикла соответствовала периоду кризиса с 2002 по 2014 гг. В реальном выражении в бразильских реалах при ценах на третий квартал 2016 г. промышленное равновесное значение выросло с 3,80 до 4,00 бразильских реалов на доллар вследствие увеличения сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции в Бразилии; текущее равновесное значение составляло около 3,20 бразильского реала на доллар (что означает «голландскую болезнь» в размере 0,80 бразильского реала на доллар, или 20%), за исключением кризиса 2014 г., когда, по моим оценкам, оно почти достигло 4,00 бразильских реалов на доллар США, а «голландская болезнь» находилась на нуле ввиду значительного падения цен на экспортируемые сырьевые товары, главным образом, черных металлов и соевых бобов.

Обменный курс и экономический рост

Я исхожу из того, что фундаментальным фактором, детерминирующим темп роста экономики, является темп роста инвестиций – инвестиций как в государственном, так и в частном секторе, но в большей степени во втором, чем в первом, потому что на долю инвестиций со стороны частного сектора, согласно оценкам, приходится от 75% до 80% совокупного объема инвестиций. Есть и другие переменные: со стороны предложения, например, образование, технический прогресс и эффективно функционирующие институты и со стороны спроса, – но инвестиции в реальный капитал более важны. Технический прогресс, главным образом, воплощен в реальном и человеческом капитале. Образование и эффективно функционирующие институты – очень важные факторы, но они не оказывают влияния в краткосрочной перспективе. Указанные переменные обеспечивают рентабельность инвестиций, однако это трудно измерить; кроме того, их

рентабельность всегда присутствует в долгосрочной перспективе. Из вышеперечисленного институты – наиболее широко известная ценность (особенно гарантия прав собственности и договорных обязательств), но они являются внутрисистемными переменными, которые одновременно являются и причиной, и следствием роста. Напротив, темпы роста инвестиций: инвестиций со стороны государственного сектора, главным образом, в инфраструктуру и инвестиций со стороны частного сектора во все сектора экономики – одновременно присутствуют и со стороны предложения, и со стороны спроса, находясь в непосредственной связи с ростом.

С учетом сказанного, а также обобщенной выше теории определения обменного курса, обменный курс превращается в ключевую переменную в инвестиционной функции, а, следовательно, и в теории роста. Причина проста: обменный курс характеризуется не только волатильностью; в противоположность тому, что утверждают другие теоретики, он не просто претерпевает быстрые изменения около равновесного значения. Напротив, он остается значительно завышенным в каждом цикле, длительность которого измеряется несколькими годами. Начиная с финансового кризиса – обычно валютного кризиса, – при котором обменный курс резко снижается, как только он достигает своего максимума, он начинает падать или постепенно понижаться, достигает определенного минимального уровня и остается около этого минимального уровня в течение нескольких лет. Такой минимальный уровень, вероятно, отражает минимальный обменный курс, приемлемый для более эффективных экспортеров сырьевых товаров.

Так, если компания рассматривает возможность осуществления новых инвестиций, она, вероятно, выполнит расчет рентабельности, учитывая при этом такой завышенный обменный курс и, скорее всего, не будет осуществлять инвестиции или осуществит их в том объеме, который необходим для поддержания предприятия на современном уровне, без расширения производственных мощностей. Когда обменный курс просто волатилен, это внушает неуверенность лицам, ответственным за принятие

бизнес-решений; когда обменный курс завышен в долгосрочной перспективе, они просто отказываются от осуществления инвестиций. Обменный курс играет роль своеобразного светового индикатора, предоставляющего или отрезающего для компаний *доступ* к существующему спросу, будь то на международном или на внутреннем рынке.

Как справиться с «голландской болезнью»

«Голландская болезнь» – проблема, которая стара, как капитализм, международная торговля и существование относительного обменного курса. В моем понимании основной причиной, вызвавшей экономический упадок в Испании и Португалии, была «голландская болезнь», обусловленная получением этими странами золота, серебра и сахарного тростника из колоний. Их валюты оставались переоцененными в долгосрочной перспективе, что сделало индустриализацию и рост нецелесообразными. Борьба с «голландской болезнью» также является давней практикой, хотя она получила известность и определение только недавно, начиная с 1980-х гг. Тот факт, что до того, как Корден и Нири предложили свою модель, не существовало теории, которая объясняла бы данный феномен, не мешал прагматичным и компетентным политикам бороться с ним интуитивно, правда, только на внутреннем рынке. Реже велась борьба с ним на иностранных рынках.

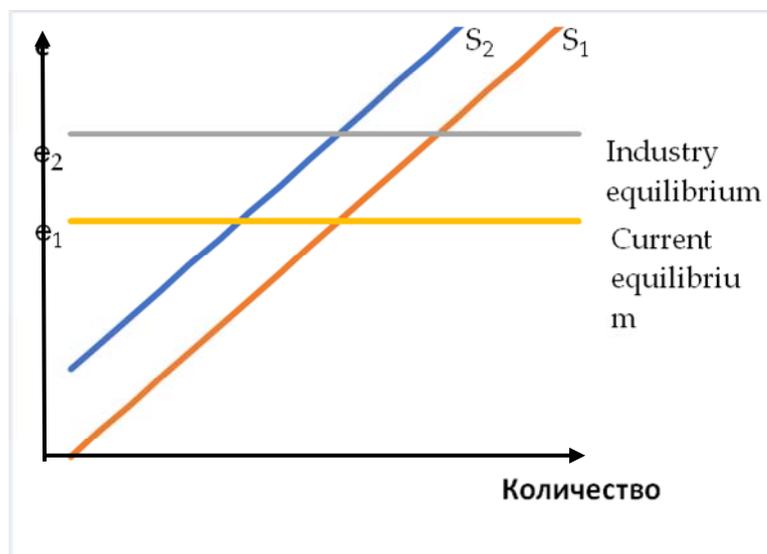
«Голландская болезнь» по определению – неблагоприятное конкурентное условие, которое должно быть преодолено правительством, если оно заинтересовано в эффективном функционировании рынков. Задолго до того, как экономисты узнали о том, что такое «голландская болезнь», с ней боролись на внутреннем рынке с помощью простого обложения тарифами импортируемых товаров фабричного производства. Когда страна облагает все импортируемые товары фабричного производства тарифом в размере 20%, это то же самое, что понижение курса на 20% в отношении

импортируемых товаров фабричного производства. Тариф устанавливает двойной – если не множественный – режим обменного курса. Многие страны вместо использования тарифов прибегали непосредственно к двойным или множественным режимам обменного курса. Либеральные экономисты выступали против тарифов на импорт, характеризуя их как «протекционизм», а экономисты, ориентированные на развитие, оправдывали их со времен Александра Гамильтона и выдвижения аргумента о неокрепшей промышленности. В действительности, помимо аргумента о неокрепшей промышленности, борьба с «голландской болезнью» также оправдывает высокие тарифы на импорт, если страна ограничивается обеспечением для своих специализированных компаний доступа на внутренний рынок. Когда страна использует тарифы на импорт для борьбы с «голландской болезнью», она попросту выравнивает игровое поле. Это не является протекционизмом.

Когда страна начинает индустриализацию и выбирает стратегию импортозамещения, использование тарифов на импорт является законным способом устранения неблагоприятного конкурентного условия, имманентного для «голландской болезни», однако данная модель по своему характеру ограничена в качестве стратегии роста. В странах, взявших на вооружение стратегию импортозамещения, темпы роста падали во всех тех случаях, когда ее преимущества себя исчерпывали. Другие страны, например, Бразилия, достигнув точки, в которой данная модель роста себя исчерпала, принимали, начиная с 1967 г., широкомасштабную программу субсидирования экспорта промышленных товаров. Таким образом они справлялись с данной задачей, преодолевая данную «болезнь» и в отношении зарубежных рынков. Это приносило успех. В 1965 г. на долю экспорта промышленных товаров приходилось лишь 6% совокупного экспорта; в 1990 г. данный показатель достиг своего максимума – 62%. Однако в этом году, ослабленная десятилетием кризиса внешнего долга, страна согласилась осуществить либерализацию торговли, веря в то, что это означало лишь устранение протекционизма. Фактически это было ликвидацией механизма

борьбы с «голландской болезнью». В дальнейшем страна столкнулась с масштабной деиндустриализацией и низкими темпами роста.

Рисунок 3: Как справиться с «голландской болезнью»

Множественные режимы обменного курса не являются лучшей альтернативой борьбе с «голландской болезнью». Существует простая политическая мера, позволяющая справиться с данной задачей, не прибегая к тарифам и субсидиям. Эта политическая мера выводится непосредственно из новой модели развития. Она включает в себя обложение различными налогами экспорта сырьевых товаров, из которого и проистекает данная «болезнь», серьезность которой будет зависеть от степени завышения обменного курса. А налог зависит, главным образом, от колебания международных цен на сырьевые товары. Когда цены повышаются, то увеличивается и налог, и наоборот. Имея в своем распоряжении таблицу цен и налогов, выраженных в процентном отношении, для каждого основного экспортируемого сырьевого товара, которые в принципе должны быть установлены по закону, экспортеры будут уверены в стабильности и удовлетворительном уровне нормы прибыли. Заметьте, что если «болезнь» не серьезна и цена падает очень сильно, то налог в процентном выражении может быть равен нулю.

Почему налог или удержание прибыли позволят справиться с «голландской болезнью»? Потому что это повысит расходы на производство сырьевого товара, а, следовательно, текущее равновесное значение (равновесная стоимость, детерминируемая экспортом сырьевых товаров) сравняется с промышленным равновесным значением и рынок должным образом вызовет колебание обменного курса около – в данном случае – единого равновесного значения. Другой способ достижения того же результата заключается в учете микроэкономических последствий налога на экспорт. Налог сдвинет кривую предложения сырьевого товара влево – не по отношению к его цене, задаваемой международными рынками, а по отношению к обменному курсу, и равновесная стоимость будет выровнена в соответствии с промышленным равновесным значением. На рисунке 3 показано, как справиться с «голландской болезнью» с учетом сдвига кривой предложения.

В нашем примере с Бразилией взимание 0,80 бразильского реала с доллара экспорта основных сырьевых товаров позволит справиться с «голландской болезнью». В Аргентине в ходе крупного финансового кризиса 2001 г. правительство стало удерживать часть прибыли, получаемой от экспорта сырьевых товаров. Оно делало это по налоговым соображениям, не в качестве политической меры по борьбе с данной «болезнью»; и хотя это был фиксированный налог, он действительно позволял преодолеть «болезнь», при этом происходила реиндустриализация, были достигнуты высокие темпы роста, в то время как страна имела профицит платежного баланса. Однако, когда инфляция выросла, правительство решило использовать обменный курс как якорь ей в противовес, курс песо повысился, текущий платежный баланс находился на нуле, а темпы роста упали.

Победители и проигравшие

Кто выиграет и кто проиграет? Цена на сырьевой товар будет определяться, прежде всего, расходами плюс разумная прибыль менее эффективного производителя, допущенного на рынок. Устанавливая эту цену – до уплаты налогов – страны, имеющие более низкие расходы на производство, выиграют за счет соответствующей ренты (разницы между себестоимостью производства у них и себестоимостью производства у наименее эффективного производителя, допущенного на рынок), которая будет получена производителями, которые более эффективны, чем производитель с низкой рентабельностью. Как только налагается налог, государство будет получать эту ренту, а производителям останется только экономическая прибыль. Но, в конце концов, они ничего не заплатят, потому что национальная валюта будет обесцениваться из-за увеличения себестоимости производства (или из-за сдвига кривой предложения влево), и то, что они заплатили в форме налогов, они получают обратно за счет более обесцененной национальной валюты.⁴ В случае Бразилии будет заплачено 0,80 бразильского реала на доллар экспорта и получено обратно 0,80 бразильского реала на доллар экспорта в виде обесценения валюты. Таким образом, в конечном счете, налог платит население страны, потому что в момент обесценения валюты оно становится беднее: оно может покупать меньше продаваемых на внешних рынках товаров и услуг, относительная цена которых увеличилась.

Что делать с новой выручкой? Ее идеальное предназначение – это создание суверенного фонда по примеру Норвегии. Подобный фонд *не* поможет справиться с «болезнью» (эта задача решается с помощью налога), но он не допустит, чтобы приток твердой валюты увеличил предложение иностранной валюты и вновь повысил курс национальной валюты; эта задача может быть решена с его помощью, но необходимо закупать резервы для нейтрализации притока капитала, что обеспечит защиту использования денежных средств.

Таким образом, есть решение, позволяющее преодолеть «голландскую болезнь». А в том, что касается «ресурсного проклятия», – есть ли тут такое же простое решение? К несчастью, нет. Это политическая и институциональная проблема с сильным культурным подтекстом. Она имеет тенденцию нивелироваться, когда страна осуществляет индустриализацию, берет курс на капитализм, берет курс на демократию, но фундаментальный вызов, с которым сталкивается человеческое развитие, заключается в том, каким образом обеспечивать прогресс в структурной и политической областях. Целью настоящей статьи не является обсуждение «ресурсного проклятия», как и обсуждение сопутствующей политической проблемы – монетарного популизма.

Вторая причина, почему не удастся справиться с «голландской болезнью», заключается в экономическом популизме. И это происходит отнюдь не от хорошо известного фискального популизма, когда государство или правительство погружается в хронический проциклический бюджетный дефицит, но от того, что я называю «популизмом обменного курса», то есть такой ситуации, когда расходы превышают доходы национального государства или страны. Популизм обменного курса очень привлекателен для политиков, которые хотят переизбраться. Он повышает доходы всех (не только заработную плату рабочих и среднего класса, но и доходы капиталистов-рантье в форме процентов, дивидендов и реальной ренты) и делает каждого богаче.

Тот факт, что для преодоления «голландской болезни» необходимо обесценение национальной валюты, делает данную политическую меру непривлекательной для политиков и для народа. Именно такой популизм обменного курса является одной из двух причин, почему страны испытывают сложности с взиманием необходимых налогов; другой причиной является «ресурсное проклятие». Обе эти проблемы не имеют простого решения, но нам не следует ставить в зависимость преодоление «голландской болезни» от их «решения».

Список литературы

- Брессер-Перейра, Луис Карлос (2008) «Голландская болезнь и ее нейтрализация: подход Риккардо» (2008) Бразильский журнал политической экономики 28 (1): 47-71.
- Брессер-Перейра, Луис Карлос (2010) *Глобализация и конкуренция*. Нью-Йорк: Издательство Кембриджского Университета.
- Брессер-Перейра, Луис Карлос (2016) «Размышления о новом девелопментализме и классическом девелопментализме», *Обзор Кейнсианской модели экономики*, 4 (3): 331-352.
<http://dx.doi.org/10.4337/roke.2016.03.07>.
- Брессер-Перейра, Луис Карлос, Хосе Луис Орейро и Нельсон Маркони (2016) *Макроэкономика развития*. Рио-де-Жанейро: Campus/Elsevier.
- Хамфрис, Макартан, Джеффри Д. Сакс и Джозеф Ю. Стиглиц, ред. (2007) *Как избежать ресурсного проклятия*, Нью-Йорк: Издательство Колумбийского Университета.
- Карл, Терри Линн (1997) *Парадокс изобилия*, Беркли: Издательство Калифорнийского Университета.
- Карл, Терри Линн (2007) «Обеспечение справедливости: дело за прозрачными финансовыми социальными контрактами», в: Макартан Хамфрис, Джеффри Д. Сакс и Джозеф Ю. Стиглиц, ред. (2007): 256-285.
- Ледерман, Дэниел и Уильям Ф. Малони, ред. (2007) *Природные ресурсы: не проклятие и не судьба*, Вашингтон и Стэнфорд: Всемирный Банк и Издательство Стэнфордского Университета.
- Сакс, Джеффри Д. (2007) «Как обращаться с макроэкономикой нефтяного богатства», в: Хамфрис, Макартан, Джеффри Д. Сакс и Джозеф Ю.

Стиглиц, ред. *Как избежать ресурсного проклятия*, Нью-Йорк: Издательство Колумбийского Университета: 173-193.

Сакс, Джеффри Д. (2007) «Как обращаться с макроэкономикой нефтяного богатства», в: Макартан Хамфрис, Джеффри Д. Сакс и Джозеф Ю. Стиглиц, ред. (2007):173-193.

Сорос, Джордж (2007) «Предисловие к “*Как избежать ресурсного проклятия*”», в: Макартан Хамфрис, Джеффри Д. Сакс и Джозеф Ю. Стиглиц, ред. (2007): XI-XV.

¹ Курсив авторов.

² По теме НМР уже имеется внушительная литература. Здесь я ссылаюсь на следующие работы: Брессер-Перейра (2008) «Голландская болезнь и ее нейтрализация: подход Риккардо»; Брессер-Перейра (2010), *Глобализация и конкуренция* (сборник эссе); Брессер-Перейра (2016), «Размышления о новом девелопментализме и классическом девелопментализме», и Брессер-Перейра, Маркони и Орейро (2016) *Macroeconomia Desenvolvimentista* (более полная версия работы «Макроэкономика развития», первоначально вышедшей на английском языке в издательстве Routledge в 2014 г.).

³ Когда я говорю, что у меня есть теория для определения обменного курса, мои оппоненты часто замечают, что обменный курс больше не поддается определению из-за объема и непредсказуемости потоков капитала. Я согласен с тем, что данная задача сложна, однако, во-первых, это не достаточная причина для отказа от данной теории обменного курса; во-вторых, в данной модели потоки капитала рассматриваются в рамках одной или трех привычных политических мер, а именно: роста с отрицательным сальдо текущего платежного баланса при финансировании за счет потоков капитала.

⁴ Точнее, производитель-экспортер теряет что-то или ничего не теряет при взимании этого налога, в зависимости от используемой нами отправной точки. Если...